Воспоминанія Н. Леваковскаго.

I.

Дѣтство [1]).

Отецъ мой былъ бѣдный петербургскій труженикъ - чиновникъ, занятый съ утра до вечера службой, вѣчно угрюмый и молчаливый; мать — тихое, покорное созданіе, не знавшая покоя отъ трудовъ и заботъ по домашнему хозяйству и уходу за дѣтьми, которыхъ въ описываемое мною время было пятеро.

Росли мы, какъ растутъ тысячи подобныхъ намъ, безъ кормилицъ и нянекъ, предоставленные самимъ себѣ. Впрочемъ, воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ у меня не многочисленны.

Помню смерть одной изъ сестеръ, не зная даже какой; но нижеслѣдующая картина запечатлѣлась въ моей памяти: предъ большимъ образомъ въ переднемъ углу, стоитъ столъ, покрытый скатертью, спускающейся до самаго полу; на столѣ небольшой розовый открытый гробикъ; между образомъ и столомъ высокій подсвѣчникъ, съ горящею восковой свѣчей. Въ гробу лежитъ маленькая дѣвочка. Меня занимаетъ вся эта необычайная обстановка, мнѣ хочется поближе все это обслѣдовать, но какая-то незнакомая женщина, суетящаяся около стола, запрещаетъ подходить и дотрогиваться; по этому я, поневолѣ, ограничиваюсь наблюдательною ролью и смотрю внимательно на все происходящее. Незнакомая женщина надѣваетъ дѣвочкѣ, лежащей на столѣ, розовые атласные башмачки; я нахожу, что это очень красиво; но неподвижность дѣвочки, ея прозрачное, восково-желтое личико производятъ на меня какое-то особенное,

[1]) Начало описываемыхъ событій относится къ 40-мъ годамъ.

не совсѣмъ пріятное, впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, мысль о томъ, что въ дѣйствительности совершается предъ моими глазами, мнѣ не приходитъ и въ голову, и я продолжаю оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ происходящаго передо мной. Но вотъ, хлопоты и суета, мало по малу, стихаютъ; является священникъ; комната оглашается пѣніемъ и наполняется голубыми струйками ладона, которыя особенно красивы на солнцѣ; я засматриваюсь на нихъ, любуясь, какъ онѣ завиваются и перегоняютъ одна другую. Пѣніе окончилось; присутствующіе засуетились; я слышу голосъ священника: „можно выносить“! Я инстинктивно сознаю, что сказанное относится къ дѣвочкѣ, лежащей на столѣ, и у меня вдругъ является забота: на дворѣ такъ холодно, оконныя стекла покрыты толстымъ слоемъ льда, а она въ легенькомъ платьицѣ и розовыхъ башмачкахъ! Но гробикъ плотно закрываютъ; его бережно выносятъ на рукахъ, комната пустѣетъ, и я успокаиваюсь. По отъѣздѣ изъ дому большихъ, мы тотчасъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, устроили репетицію видѣннаго, похоронивши одну изъ старыхъ деревянныхъ куколъ, которая, кстати, давно уже надоѣла. Сохранились нѣкоторыя другія воспоминанія. Я живо помню, напр., тотъ восторгъ, который я ощущалъ, когда, однажды, дѣдъ надѣлъ мнѣ свои толстые карманные часы, на подобіе луковицы, съ голубой бисерной цѣпочкой! Какъ я походилъ тогда, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ, на большого! Между мною и взрослымъ человѣкомъ, по-моему, въ то время, была только самая ничтожная разница, именно та, что большіе носятъ часы въ карманѣ жилета, а у меня они были заткнуты за кушакъ, опоясывавшій рубашку.

Не менѣе живо сохранилось въ моей памяти то невыразимо пріятное впечатлѣніе, которое производили на меня сказки, которыя такъ мастерски разсказывала бабушка. Появленіе ея къ намъ и, въ особенности согласіе ночевать, приводило насъ въ восторгъ, такъ какъ заранѣе обѣщало удовольствіе—слышать вечеромъ сказки. Какъ только смеркалось, мы тотчасъ начинали просить скорѣе исполнить обѣщаніе. При этомъ бабушка непремѣнно сначала помучитъ, завѣряя, напр., что она забыла всѣ сказки. Мы, разумѣется, не вѣримъ и продолжаемъ просить. Тогда слѣдуетъ другой доводъ: „что хотя еще одна сказка осталась, но въ ней такіе страхи, что вы, дѣточки, всю ночь спать не будете“! Но этотъ доводъ только усиливаетъ просьбы:—мы, милая бабушка, не будемъ бояться! Завѣряешь, бывало, а у самого уже заранѣе пробѣгаютъ мурашки по тѣлу! Бабушка, наконецъ, соглашается, и мы всѣ превращаемся во вниманіе. Комната освѣщена единственной сальной свѣчей, мы всѣ сбились въ кучку, тѣсно окружили разсказчицу и

каждое новое, сообщаемое ею, происшествіе или событіе усиливаетъ страхъ! Въ концѣ концовъ боишься оглянуться въ сторону, вздрагиваешь отъ нечаяннаго прикосновенія сосѣда, но все-таки слушаешь и не наслушаешься! Но вотъ, сказка окончена; за ней слѣдуетъ другая, а иногда, по усиленной просьбѣ, и третья. Къ концу, слушатели начинаютъ, мало по малу, засыпать кто гдѣ и какъ сидѣлъ; но вотъ, изъ другой комнаты слышенъ голосъ отца: „пора вамъ спать"! Мы, нехотя, поднимаемся съ мѣста, на которомъ было такъ тепло и пріятно сидѣть, и идемъ спать, оглядываясь зорко по сторонамъ, не сидитъ ли гдѣ-нибудь, прижавшись въ темномъ углѣ, одно изъ сказочныхъ чудовищъ! Добравшись, благополучно, до кровати, спѣшишь, возможно скорѣе, раздѣться и спрятаться съ головой подъ одѣяло. Стараешься уснуть, но страхъ отъ всего слышаннаго и жаръ подъ одѣяломъ рѣшительно гонятъ сонъ. А событія, одно другого страшнѣе, такъ и встаютъ передъ глазами; изъ всего этого выходитъ, въ концѣ концовъ, одинъ общій страшный хаосъ, заставляющій еще плотнѣе прятаться подъ одѣяло, закрывая послѣднія оставшіяся отверстія. Но, наконецъ, сонъ беретъ свое; только на утро просыпаешься и, радъ радехонекъ, что такъ свѣтло и нѣтъ болѣе надобности прятать голову подъ одѣяло.

Заботы о насъ отца, кромѣ доставленія матеріальныхъ средствъ къ существованію, можно формулировать однимъ словомъ „строгость" Приказанія, запрещенія и наказанія за неисполненіе того или другого, вотъ тѣ нехитрые пріемы, которые постоянно имъ практиковались.

Вслѣдствіе такой системы, а главное угрюмаго характера отца, ласка считалась непозволительной. Онъ не только ни разу не приласкалъ самъ кого-нибудь изъ дѣтей, но запрещалъ это матери, запрещалъ намъ поцѣловать иногда сестру и если кто-нибудь изъ дѣтей забывалъ строгое запрещеніе, преступалъ его, то получалъ немедленно сильное напоминаніе въ видѣ подзатыльника.

По поводу этого запрещенія, мнѣ памятенъ одинъ случай: зимній вечеръ; комната слабо освѣщена; отца нѣтъ дома; мать сидитъ около стола и что-то работаетъ; мы, дѣти, играемъ; я подошелъ, зачѣмъ-то, къ столу и сталъ возлѣ матери; Богъ вѣсть, что думала она, чѣмъ была занята голова ея, но, вмѣсто отвѣта, на предложенный ей мною вопросъ, она посадила меня къ себѣ на колѣни, обняла и приласкала такъ, какъ только можетъ приласкать любящая мать! Я никогда не забуду испытаннаго мною при этомъ чувства! Много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но, вспоминая этотъ случай, я какъ будто, чувствую у себя на щекѣ ея горячій поцѣлуй. Я забылъ, моментально, не только то, зачѣмъ подошелъ къ столу,

забылъ игру, забылъ все на свѣтѣ, прижался къ матери и обнялъ крѣпко ея шею своими маленькими руками!

II.

Начало ученія.

Семи лѣтъ меня отдали въ частную школу, гдѣ учились вмѣстѣ мальчики и дѣвочки; школой завѣдывала какая-то пожилая дѣвица, бывшая институтка, обучавшая сама своихъ питомцевъ всѣмъ наукамъ и искусствамъ, по старымъ пожелтѣвшимъ институтскимъ тетрадкамъ.

Я живо помню мой первый дебютъ въ этомъ учебномъ заведеніи: меня привелъ отецъ и, поговоривши съ начальницей, сдалъ меня ей на руки; была перемѣна уроковъ, и всѣ дѣти были въ саду; меня привели къ нимъ и отрекомендовали какъ „новенькаго мальчика“, всѣ, разумѣется, обступили меня, закидали вопросами: „кто я, что знаю, какъ меня зовутъ?“ Будучи вообще застѣнчивымъ, я окончательно растерялся при видѣ такого множества дѣтей и при этомъ такихъ бойкихъ (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ тогда казалось); я не успѣвалъ, не умѣлъ отвѣчать имъ; я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что со мною дѣлается! Помню только, что я, въ концѣ концовъ, очутился на самомъ верху старой, полуразрушившейся бесѣдки, и вотъ какимъ образомъ это случилось: не получивши отъ меня желаемыхъ отвѣтовъ, новые товарищи мои стали подсмѣиваться надо мной, увѣряя, что я не умѣю говорить, и захотѣли послѣ этого испытать мою ловкость; предложили побѣгать; я машинально согласился и не уступилъ имъ въ этомъ искусствѣ; тогда кто-то предложилъ еще одну пробу:—„а вотъ ты не влѣзешь на эту бесѣдку!“—„Да, да, разумѣется!“ закричали другіе—„куда ему!“ Находясь въ сильнѣйшей ажитаціи, я счелъ необходимымъ доказать имъ, что я не таковъ, какъ они думаютъ, и мигомъ взобрался на бесѣдку. Но вообразите мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что въ это время подходила къ бесѣдкѣ начальница школы! Я окаменѣлъ, я готовъ былъ лучше провалиться, нежели быть застигнутымъ въ такомъ положеніи! Дѣти, со смѣхомъ, разбѣжались, и я остался одинъ на бесѣдкѣ съ глазу на глазъ съ строгой начальницей.—„Хорошо ты ведешь себя для перваго разу, раздался ея голосъ, я запишу это въ журналѣ, и ты сегодня же покажешь это своему отцу!“

Стыду и страху моему не было предѣловъ; я сидѣлъ на бесѣдкѣ и горько плакалъ; сжалившись надъ моимъ положеніемъ, начальница приказала принести лѣстницу, и я спустился по ней, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ моихъ новыхъ товарищей.

*

Какъ потомъ я узналъ, дѣтямъ не позволялось даже подходить близко къ этой злополучной бесѣдкѣ, по причинѣ ея ветхости, и товарищи мои, зная это, хотѣли посмѣяться надо мной, какъ новичкомъ. Но этимъ еще не кончились событія этого памятнаго для меня дня. Когда, по окончаніи уроковъ, настало время идти домой, я, съ удовольствіемъ, вмѣстѣ съ прочими, отправился къ выходной двери, но при этомъ я вспомнилъ что рѣшительно не знаю—гдѣ моя фуражка! Поискалъ, на удачу, въ передней, но тамъ не оказалось; между тѣмъ, дѣти въ это время разошлись, и я остался одинъ. Видя безвыходность своего положенія, въ полномъ смыслѣ этого слова, я горько расплакался; но этимъ дѣло нимало не подвинулось впередъ: фуражки все-таки не было! Я живо представилъ себѣ, что нахожусь въ положеніи путника, выброшеннаго неожиданно волнами на необитаемый островъ, и отчаянію моему не было границъ. По моему, мнѣ предстояло или навсегда остаться въ этомъ чужомъ для меня домѣ, или, спасая себя, рѣшиться на геройское средство—бѣжать, съ плачемъ домой съ непокрытой головой; изъ двухъ золъ, я избралъ меньшее, т. е. послѣднее; но не успѣлъ я привести въ исполненіе принятое рѣшеніе, какъ въ сосѣдней комнатѣ показалась содержательница школы. Узнавши, въ чемъ дѣло, она, сколько я могъ замѣтить, ни мало не озадачилась моимъ ужаснымъ, повидимому, положеніемъ, потому что весьма хладнокровно сказала:—Да ты, вѣроятно, въ саду оставилъ свою фуражку; поди-ка посмотри!

Я стрѣлой бросился по указанію и о, радость! Фуражка лежала на перильцахъ балкона, выходившаго въ садъ, гдѣ я оставилъ ее, входя, о чемъ, впопыхахъ, я забылъ, разумѣется.

О занятіяхъ въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи у меня сохранились какія-то неопредѣленныя, неясныя воспоминанія. Помню только, что всѣмъ предметамъ и наукамъ учила, какъ я сказалъ выше, сама содержательница школы по какимъ-то старымъ, пожелтѣвшимъ тетрадкамъ. Помню, что главное вниманіе было обращено, почему-то, на танцы, во время которыхъ всѣ мальчики должны были быть непремѣнно въ башмакахъ. Но что я, тѣмъ не менѣе, все-таки, кой-чему выучился въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи, доказалъ, какъ увидимъ сейчасъ, экзаменъ.

По прошествіи года, отецъ нашелъ необходимымъ взять меня изъ этой школы и помѣстить въ Введенское училище (сколько я помню, это было что-то въ родѣ теперешнихъ прогимназій—совершенно своеобразное для того времени учебное заведеніе).

Какъ говорится, сказано—сдѣлано. Надѣли на меня вмѣсто рубашки какую-то курточку, сшитую спеціально для того, чтобы

вести меня въ училище, и мы отправились съ отцомъ. Занятый новымъ костюмомъ, я рѣшительно не обращалъ никакого вниманія на готовящуюся перемѣну въ моей жизни – отдачу въ казенное заведеніе да и кромѣ того имѣлъ объ этомъ самыя смутныя понятія; поэтому, когда мы пришли въ училище, и меня уже одного (безъ отца) провели въ какой-то большой залъ, гдѣ стоялъ столъ, покрытый сукномъ, у котораго сидѣло нѣсколько человѣкъ въ форменныхъ вицъ-мундирахъ и стояло множество, подобныхъ мнѣ, мальчиковъ, я рѣшительно недоумѣвалъ—для чего меня привели сюда? Я видѣлъ, что мальчиковъ, поочередно, вызываютъ къ столу, заставляютъ ихъ что-то читать и писать, послѣ чего и отпускаютъ. Не имѣя понятія о томъ, что это идетъ, такъ называемый, пріемный экзаменъ, но видя, что въ этой процедурѣ нѣтъ ничего страшнаго, я ободрился и внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ. Но вотъ, слышу, называютъ мою фамилію и предлагаютъ подойти къ столу; я исполнилъ требованіе.

— Возьми мѣлъ, говоритъ одинъ изъ вицъ-мундировъ; я взялъ.

— Напиши на доскѣ „ариѳметика“.

Я написалъ, да еще черезъ букву Ѳ.

— О, да это молодецъ: онъ даже Ѳ знаетъ! А прочитай что-нибудь!

Я прочелъ.

— Его можно во 2-й классъ,—сказалъ кому-то вицъ-мундиръ, и меня отпустили.

Много горя принесла мнѣ эта Ѳ!

Не понравься я такъ *ѳитой* экзаменатору, меня, я увѣренъ, по малымъ познаніямъ, записали бы въ 1-ый классъ, занятія были бы мнѣ по силамъ, и я могъ бы быть не послѣднимъ ученикомъ, но, благодаря только *Ѳитѣ*, я попалъ во 2-ой классъ и очутился какъ въ лѣсу.

Пребываніе мое въ этомъ училищѣ составляетъ одинъ изъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни.

Съ первыхъ же уроковъ я убѣдился, что рѣшительно не въ состояніи понять, о чемъ идетъ дѣло: я слышалъ, что учитель что-то говоритъ, что-то велитъ приготовить на слѣдующій разъ, видѣлъ, что другіе ученики отвѣчаютъ и нѣкоторые даже хорошо; самъ же, повторяю, положительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, а между тѣмъ, ежедневно, ежечасно рисковалъ быть высѣченнымъ, какъ лѣнивецъ.

Дѣло велось такимъ образомъ. Учитель приходилъ въ классъ, спрашивалъ урокъ и незнающихъ становилъ на колѣни, посреди класса. Смотритель училища, въ сопровожденіи солдата съ розгами, по нѣскольку разъ въ день обходилъ классы и тутъ же, при всѣхъ,

производилъ если не судъ и расправу, то, по крайней мѣрѣ, послѣднюю, т. е. сѣкъ всѣхъ, застигнутыхъ на колѣняхъ. Рѣшительно не понимаю: почему каждый получившій единицу, по какому-нибудъ предмету, считался лѣнивцемъ, требующимъ строгаго наказанія? Но, по крайней мѣрѣ, это было такъ! Какъ теперь вижу передъ собой ехидную, злую физіономію грознаго для насъ Ивана Александровича (смотрителя; фамилію его я не помню) и сопровождающаго его ликтора. Ни просьбы, ни мольбы, ни резоны, ни обѣщанія не въ состояніи были избавить отъ казни, которая совершалась, какъ предопредѣленіе свыше. Какія силы спасали меня отъ этой кары въ продолженіе годичнаго пребыванія моего въ училищѣ, я рѣшительно не понимаю; но только я, при этомъ сѣченіи оптомъ, не былъ ни разу наказанъ. Дѣло въ томъ, что стояніе мое на колѣняхъ, по счастливой случайности, не совпадало съ приходомъ грознаго Ивана Александровича.

Только уроки по Закону Божію единственно не грозили мнѣ бѣдой, такъ какъ я, по разсказамъ священника, легко усваивалъ Священную Исторію и считался даже хорошимъ ученикомъ. Вспоминая теперь объ этомъ пребываніи въ училищѣ, я смѣло утверждаю, что не столько трудность и непосильность занятій были причиной полнаго непониманія мною того, о чемъ говорилось въ классѣ, какъ неумѣлость, небрежность и невниманіе къ дѣлу со стороны наставниковъ.

Прошелъ годъ, наступила весна, а съ нею вмѣстѣ—и экзамены; я продолжалъ посѣщать училище такъ же, по-прежнему, безотчетно и безсознательно, удивляясь нѣсколько происшедшей перемѣнѣ: столъ въ классѣ покрыли краснымъ сукномъ, спрашивали что-то поочередно всѣхъ учениковъ, почему-то не ставили на колѣни и не сѣкли тѣхъ, которые не отвѣчали на вопросы, несмотря на то, что присутствовалъ страшный Иванъ Александровичъ. Предлагали и мнѣ, помню, какіе-то непонятные для меня вопросы, на которые я, разумѣется, отвѣчалъ молчаніемъ: но такъ какъ при этомъ, какъ сказано, не было сѣченія, то вся описываемая процедура меня не особенно занимала.

Но вотъ окончились экзамены, и намъ объявили, что съ завтрашняго дня, по 7-е августа, ученія не будетъ. Извѣстіе это, понятно, произвело общую радость, но для меня она была омрачена тѣмъ, что при этомъ приказано было повторить лѣтомъ все то, что выучили въ продолженіе года. Для меня это было равносильно приказанію одному безоружному солдату взять крѣпость, къ которой онъ и подойти не можетъ. Мнѣ живо представилась при этомъ неизбѣжность быть высѣченнымъ при первомъ же появленіи вновь въ

училищѣ, по окончаніи вакацій. Явившись домой, я яркими красками изобразилъ грозящую мнѣ бѣду, заявивши при этомъ, что въ виду сказаннаго, я больше не пойду въ училище.

Резонъ, представленной мною, былъ принятъ, отецъ, на другой же день, взялъ мои документы изъ училища, и рѣшено было готовить меня къ поступленію въ гимназію.

Принятое рѣшеніе было впрочемъ приведено въ исполненіе не скоро: отецъ, человѣкъ строгій вообще, относительно ученія былъ болѣе нежели снисходительнымъ, какъ кажется потому, что не придавалъ этому дѣлу серіознаго значенія. Взятый изъ училища, я долгое время былъ предоставленъ относительно занятій самому себѣ, безъ всякой помощи и контроля. Мнѣ было приказано повторять по книжкамъ то, что я училъ. А такъ какъ ученіе мое шло, какъ сказано выше, крайне плохо, поэтому и повтореніе было не лучше. Да, собственно, я и не утруждалъ себя особенно: съ утра, какъ отецъ еще былъ дома, я садился за книгу, показывая видъ, что я что-то дѣлаю; но какъ только отецъ уходилъ изъ дому, книга оставлялась лежать открытой на столѣ, а я отправлялся на дворъ или же въ нашъ небольшой садикъ и тамъ сразу забывалъ и о книгѣ, и о томъ, что мнѣ приказано повторять! Да оно и не удивительно: я задался мыслію, во что бы то ни стало, поймать ворону, которая повадилась летать на нашъ дворъ! Какихъ только хитростей, и теперь живо помню, не употреблялъ я для этой цѣли! Я ухитрялся, напр., привязывать горошину на длинную нитку, прикрѣпленную свободнымъ концомъ къ какому-нибудь тяжелому предмету, въ надеждѣ, что ворона соблазнится лакомымъ кусочкомъ, проглотитъ горошину и очутится въ моихъ рукахъ, какъ бы привязанною на ниткѣ. Мнѣ тогда, разсуждалъ я, льстя себя надеждой на вѣрный успѣхъ, стоитъ только подойти, взять въ руки привязанный конецъ нитки и добыча моя!

Но ворона оказалась хитрѣе, нежели я предполагалъ: она не только не проглатывала горошины, даже не смотрѣла на нее. Тогда я рѣшилъ, что ворона смекнула, въ чемъ было дѣло, видя нитку, идущую отъ горошины; и вотъ опять новая забота и работа на нѣсколько дней: необходимо спрятать нитку! И я рѣшилъ засыпать ее сухой землей. Но и это улучшеніе способа ловли не помогло! Я помню, въ какомъ напряженномъ состояніи простаивалъ я цѣлые часы, спрятавшись гдѣ-нибудь за угломъ и внимательно наблюдая за движеніями вороны, важно расхаживавшей по двору и не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на заманчивую, по моему мнѣнію, горошину. Но все напрасно. Ворона не давалась, какъ кладъ въ руки.

Испытавъ полнѣйшую неудачу на этой охотѣ, я обратилъ внима-

ніе на то, что воробьи часто прилетаютъ въ нашъ садикъ и, размѣстившись на вѣткахъ, чрезвычайно заманчиво кричатъ. Я тотчасъ сообразилъ, что хорошо было бы поймать хотя одного такого крикуна; но они сидятъ на деревѣ; тамъ ихъ не достанешь; надо пріучить слетать на землю, а для этого необходимо прикормить ихъ, и вотъ начинается ежедневное кормленіе воробьевъ, по нѣсколько часовъ въ день и новыя безуспѣшныя попытки поймать. А тутъ незамѣтно подошла зима; необходимо устроить горку, а если случалась оттепель, надо накатать шаровъ изъ снѣгу, чтобы было чѣмъ похвастать передъ братомъ, когда онъ возвратится изъ гимназіи. Время, такимъ образомъ, шло незамѣтно, а занятія мои (съ цѣлью приготовленія въ гимназію) не подвигались ни на шагъ.

— Что же ты учишься? спрашивалъ иногда отецъ, возвратившись усталый со службы.

— Учусь, папенька!—смиренно отвѣчалъ я, не имѣя понятія о томъ, какъ учатся и вѣря самъ, что я дѣйствительно учусь.

— То-то, ты смотри у меня! серіозно замѣчалъ отецъ и однажды послѣ такого замѣчанія прибавилъ:

— Осенью отдамъ въ гимназію!

У меня, при этихъ словахъ, какъ говорится, сердце екнуло. Я невольно сознался, что, въ концѣ концовъ, я ровно ничего не знаю. И вотъ начинается усиленная, но вполнѣ безполезная работа: безсознательное зубреніе учебниковъ.

Естественно, что изъ подобнаго приготовленія опять-таки ничего не вышло бы, если бы не обратилъ вниманія на это толченіе воды мой старшій братъ и не помогъ мнѣ въ занятіяхъ. Я, какъ выздоравливающій слѣпой, началъ, мало по малу, прозрѣвать и къ концу лѣта дошелъ до того, что сталъ даже удивляться, какъ же я прежде не понималъ того, что написано въ книгѣ. Разумѣется, приготовилъ я за это время не много, но я сдѣлалъ громадный шагъ впередъ: я понялъ, какъ надо учиться; я понялъ, что главная сила не въ заучиваніи непонятныхъ словъ, какими, казалось мнѣ, набита каждая книга учебника, а въ пониманіи дѣла; я убѣдился, что даже не учивши по книжкѣ, многое, напр., въ ариѳметикѣ, можно прямо сообразить. Это послѣднее, такъ сказать, открытіе было толчкомъ къ тому, что я началъ, мало по малу, мыслить.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Н. Левашовскаго [1]).

Пришелъ августъ мѣсяцъ. Однажды утромъ, совершенно неожиданно, отецъ велѣлъ надѣть мнѣ новую курточку, заявилъ, что онъ ведетъ меня въ гимназію. Будь, что будетъ! подумалъ я, немедленно исполнивъ приказаніе, и мы отправились.

Домъ нашъ былъ на Петербургской сторонѣ, а потому употребивши цѣлый часъ на ходьбу, мы достигли, наконецъ, Ларинской гимназіи. Не имѣя понятія о томъ, что мнѣ предстоитъ вступительный экзаменъ, я смѣло вошелъ, слѣдуя за отцомъ, въ большой залъ, гдѣ увидѣлъ множество подобныхъ себѣ мальчиковъ, изъ которыхъ одни сидѣли, другіе писали что-то на доскѣ, третьи—отвѣчали, стоя предъ спрашивавшими ихъ учителями. Я разсудилъ, что мнѣ лучше всего присоединиться къ сидящимъ, что я тотъ-часъ и сдѣлалъ, какъ только отецъ отошелъ отъ меня, чтобы подать прошеніе директору, бывшему тутъ же въ залѣ.

Принявши бумагу, директоръ что-то сказалъ отцу; тотъ, поклонившись ему, подошелъ ко мнѣ и лаконически сказалъ: „пойдемъ!“ Я послѣдовалъ за нимъ и, шедши по дорогѣ, думалъ: ну, невеликій же трудъ быть въ гимназіи! Но когда мы пришли домой и на вопросъ матери: „приняли ли меня въ гимназію“, отецъ отвѣчалъ, что завтра приказано придти на экзаменъ, я сообразилъ, что одного сидѣнья на гимназической скамьѣ еще не достаточно, и что еще будетъ какой-то экзаменъ. Что будутъ у меня спрашивать, я рѣшительно не имѣлъ понятія! На слѣдующее утро послѣдовало то же распоряженіе отца „надѣть курточку“. Когда я облекся въ этотъ костюмъ, отецъ объявилъ, что я сегодня, какъ уже знающій, куда

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

идти, могу отправиться одинъ. Сказано—сдѣлано! Я явился въ гимназію, сѣлъ, по-вчерашнему, на скамью; гляжу: продолжается та же немудреная, какъ мнѣ казалось, процедура, съ которой я познакомился вчера. Но тутъ я замѣтилъ, что въ залѣ, кромѣ мальчиковъ и учителей, много дамъ и мужчинъ, заинтересованныхъ, какъ мнѣ показалось, происходящей немудреной процедурой. Одни изъ нихъ подходили къ мальчикамъ, пишущимъ на доскѣ, другіе внимательно вслушивались, что говорилъ какой-нибудь мальчикъ, стоящій предъ учителемъ, третьи, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, цѣловали мальчика, тетрадку котораго только-что просматривалъ учитель. Я рѣшительно увлекся всѣмъ происходившимъ вокругъ меня. Вдругъ, къ тому столу, за которымъ я сидѣлъ вмѣстѣ съ другими мальчиками, также, повидимому, чего-то ожидавшими, подходитъ одинъ изъ учителей съ книжкой въ рукахъ, даетъ каждому изъ сидящихъ по листу бумаги и велитъ, чтобы мы писали то, что онъ будетъ диктовать; взялъ и я перо въ руки; но, къ удивленію моему, услышалъ, что учитель произноситъ какія-то непонятныя для меня слова. Я попробовалъ было записать нѣкоторыя изъ нихъ по-русски, вышло что-то ужасное! Какъ я ни старался, не могъ уловить ни одного понятнаго для меня слова.

Продиктовавши, такимъ образомъ, нѣсколько словъ, учитель велѣлъ намъ подписать свои фамиліи. Я написалъ свою на чистой четвертушкѣ и когда учитель, взявши тетрадки, удалился, я спросилъ у сидѣвшаго рядомъ со мной: что такое говорилъ учитель?

— Да развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ тотъ, это была французская диктовка!

Покончивши, такимъ образомъ, совершенно безсознательно, съ французскимъ экзаменомъ, я спокойно продолжалъ свои наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ кругомъ меня; какъ, вдругъ, слышу, называютъ по фамиліи; я откликнулся; меня вызвали на середину комнаты къ группѣ, гдѣ стояли учителя. Одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ раскрытую книгу и предложилъ что-то прочесть; я исполнилъ и при томъ удовлетворительно, такъ какъ я читалъ вообще хорошо. Тотъ же учитель предложилъ мнѣ далѣе написать какую-то фразу на доскѣ мѣломъ; я исполнилъ и это, но вѣроятно менѣе удовлетворительно, судя по выраженію лица экзаментора и потому, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ написаннаго онъ перемѣнилъ *ѣ* на *е* и наоборотъ. Въ концѣ концовъ, сказавши „довольно“, онъ отошелъ въ сторону и предложилъ ту же книгу другому мальчику. Меня же подозвалъ къ себѣ сидѣвшій тутъ же священникъ и предложилъ какой-то вопросъ изъ „Священной Исторіи“.

Такъ какъ это былъ единственный предметъ, съ которымъ я

познакомился во время пребыванія въ училищѣ и при томъ познакомился не по книжкѣ, а по разсказамъ, то и отвѣтилъ на вопросъ толково, сознательно. Священнику понравился мой отвѣтъ. Онъ спросилъ, въ заключеніе: „не братъ ли я тому Л, что у насъ въ гимназіи?“ Я отвѣтилъ утвердительно. Священникъ разсыпался въ комплиментахъ брату и, выразивъ надежду, что и я, вѣроятно, буду „такимъ же умницей“, благословилъ меня и отпустилъ.

Послѣ этого, меня подозвалъ къ себѣ какой-то молодой учитель и предложилъ мнѣ вопросъ.

— Что Вы знаете изъ ариѳметики?

Я отвѣтилъ, что четыре правила. И дѣйствительно. Я зналъ механическую процедуру четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, но продѣлывалъ ихъ чисто машинально.

— Скажите, что сдѣлается съ частнымъ, если дѣлимое увеличится?

Подобнаго вопроса я никогда не слыхалъ, и онъ меня на первый разъ озадачилъ.

Подумавши немного, я отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, увеличится.

— А если дѣлитель увеличится, что сдѣлается съ частнымъ?— продолжалъ неугомонный учитель.

Сообразивши, я отвѣтилъ:

— Я думаю, что уменьшится.

— Почему Вы говорите не прямо, а прибавляете: „я думаю“, „мнѣ кажется“?

— Да потому, что я этого не знаю, а мнѣ кажется, что такъ должно быть. Учитель рѣшительно заинтересовался.

Заставилъ меня отвѣтить на всѣ вопросы касательно увеличенія и уменьшенія дѣлимаго и дѣлителя и въ концѣ экзамена сказалъ:— Хорошо!

Видя, что болѣе, повидимому, никто не желаетъ предлагать мнѣ никакихъ вопросовъ, я постоялъ еще нѣсколько времени возлѣ экзаменаторовъ и рѣшился опять сѣсть на прежнюю скамью. Долго я сидѣлъ, такимъ образомъ, безъ всякаго дѣла, мальчики и пришедшіе съ ними постепенно уходили; я все сидѣлъ. Наконецъ, слышу, опять меня вызываютъ по фамиліи и на этотъ разъ директоръ. Я подошелъ.

— Г.г. учителя говорятъ, такъ началъ онъ свою рѣчь ко мнѣ, что ты очень плохо подготовленъ, но что ты умѣешь думать, соображать! Если ты будешь прилеженъ, ты догонишь другихъ и будешь хорошимъ ученикомъ. Я знаю твоего брата; онъ отлично учится; попроси его, чтобы онъ помогалъ тебѣ работать; привыкнешь къ дѣлу и оно пойдетъ легко! Обѣщаешь стараться?

— Обѣщаю, отвѣчалъ я съ полной увѣренностью, что исполню обѣщанное.

— Теперь иди домой, скажи, чтобы тебѣ сдѣлали форменное платье и чрезъ недѣлю приходи въ гимназію.

Услышавши это, я не чувствовалъ, какъ говорится, подъ собой ногъ; я чуть не бросился бѣгомъ изъ зала; я не шелъ, а летѣлъ по улицамъ и, явившись домой, объявилъ, что директоръ велѣлъ сшить форменный сюртукъ. Распоряженіе это мнѣ дѣйствительно чрезвычайно нравилось! Да и не удивительно: послѣ курточки надѣть сюртукъ съ блестящими пуговицами и ярко-краснымъ воротникомъ; фуражку съ такимъ же околышемъ! Да это просто прелесть!

Отецъ и мать равнодушно приняли сообщенное мною извѣстіе и далѣе не разспрашивали, братъ же поинтересовался узнать и объ экзаменѣ. Я разсказалъ ему все, какъ было. Когда я сообщилъ ему о вопросахъ, предложенныхъ изъ ариѳметики, то онъ не утерпѣлъ и сказалъ:

— Ну, воображаю, что ты отвѣтилъ!

Я повторилъ, слово въ слово, мои отвѣты, и братъ одобрилъ ихъ.

На другой же день былъ призванъ нашъ портной Григорій, перешивавшій сюртуки отца намъ на курточки, и ему было заказано форменное платье для меня изъ *новаго* сукна. (Первый разъ въ жизни!). Сюртукъ скоро былъ сшитъ, я надѣлъ его и не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости. Я посмотрѣлъ въ зеркало и самъ себѣ понравился. Меня смущали только два вихра, торчавшіе у меня по сторонамъ и образовавшіе какъ бы двѣ бесѣдки. Сколько я ни пробовалъ ихъ приглаживать, все напрасно; самый толстый слой помады не въ состояніи былъ заставить ихъ лечь. Я былъ въ отчаяніи; но, спасибо, вывела меня изъ этого затрудненія старуха-няня, жившая у насъ въ роли кухарки, посовѣтовавши разжевать кусочекъ сахара и примазать этимъ вихры.

Я исполнилъ этотъ совѣтъ, и непокорныя бесѣдки прилегли.

Такимъ образомъ, я поступилъ въ Ларинскую гимназію, вышелъ, какъ говорится, на дорогу, вышелъ—единственно, благодаря счастливому случаю, да теплому участію къ дѣлу директора гимназіи, незабвеннаго для меня д-ра Фишера! Отнесись онъ къ дѣлу моего принятія по формѣ, по-чиновничьи, по пунктамъ инструкціи, я не былъ бы принятъ въ гимназію и продолжалъ бы заниматься придумываніемъ средствъ для того, чтобы поймать, наконецъ, ворону, и врядъ ли когда-нибудь была бы предпринята вторичная попытка отдачи меня въ учебное заведеніе. Для этого не было, во-1-хъ, средствъ для приготовленія, а во-2-хъ, отецъ только и думалъ о

томъ, какъ дѣти бы поскорѣе выучились покрасивѣе писать, чтобы могли, такимъ образомъ, поступить на службу и заработывать хотя нѣчто.

Вотъ почему я всегда вспоминаю съ чувствомъ живѣйшей, глубочайшей благодарности человѣка—директора, принявшаго во мнѣ, предоставленномъ всѣмъ случайностямъ, теплое участіе и давшаго, такимъ образомъ, возможность и мнѣ принять человѣческій образъ! Миръ праху твоему честный, истинный (а не формальный) педагогъ, тебѣ я обязанъ тѣмъ, что я есть!

Въ назначенное время я явился въ гимназію и началъ аккуратно посѣщать классы. Благодаря толковому, умѣлому веденію дѣла преподавателями, ученіе пошло легко и успѣшно; я самъ не узнавалъ себя и скоро сталъ считаться въ числѣ хорошихъ учениковъ въ классѣ. Одно меня крайне затрудняло: это окончательное незнакомство съ французскимъ языкомъ, въ то время, когда товарищи мои поступили уже съ нѣкоторымъ запасомъ знанія этого языка.

Я лѣзъ, какъ говорится изъ кожи, но все не могъ сравняться съ товарищами.

Кромѣ вполнѣ новаго для меня веденія дѣла обученія наставниками (сравнительно съ тѣмъ, какое я видѣлъ въ училищѣ) на меня производило въ высшей степени пріятное впечатлѣніе гуманное обращеніе учителей съ учениками; не только не было сѣченій, отъ которыхъ я убѣжалъ изъ училища, но за все время пребыванія моего въ гимназіи я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ учителей сказалъ грубое слово тому или другому мальчику, а дѣло шло лучше, нежели при ежедневныхъ наказаніяхъ за существующія и несуществующія провинности.

Къ несчастью, въ началѣ зимы, я долженъ былъ оставить Ларинскую гимназію, такъ какъ отецъ получилъ мѣсто въ Харьковѣ, куда и переселился со всей семьей. По пріѣздѣ, я былъ отданъ въ 1-й классъ 1-й Харьковской гимназіи.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка. На 420-й страницѣ августовской книги (т. CXXXI) напечатана фамилія Ламке. Слѣдуетъ читать: Лемке. Это былъ офицеръ 2-го кадетскаго корпуса, потомъ баталіонный командиръ тамъ. Его внукъ—извѣстный литераторъ М. К. Лемке.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Воспоминанія Н. Леваковскаго.

Гимназія.

Много, много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ, по окончаніи курса, стѣны 1-й Харьковской гимназіи [1]), но воспоминанія о семилѣтнемъ пребываніи тамъ настолько живы, что какъ будто все это было только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Часто и теперь еще, во снѣ, видишь себя опять ученикомъ гимназіи, и различныя событія того времени вспоминаются съ поразительной ясностью и, проснувшись, благословляешь судьбу, что все это видѣлъ только во снѣ. Да, не даромъ давалось мальчику семилѣтнее пребываніе въ гимназіи.

Всѣ педагогическіе пріемы того времени сводились (въ Харьковской гимназіи) на зуботычины или вообще—систему „вбиванія знаній". Вслѣдствіе этого, учащіе и учащіеся представляли собой два враждебныхъ лагеря, готовыхъ ежеминутно вступить въ открытый бой, что дѣйствительно и бывало не разъ. Но между тѣснителями и угнетателями, во образѣ наставниковъ, были и такіе „бичи божіи", которые смиряли и порабощали ввѣренное ихъ заботамъ юношество такъ, что какое бы то ни было сопротивленіе имъ считалось не мыслимымъ, и только усердная молитва предъ приходомъ такого наставника считалась единственно возможной для смягченія гнѣва и слѣдующихъ за нимъ истязаній ни въ чемъ не повинныхъ мальчиковъ. Самое ожиданіе прихода такого педагога приводило дѣтей въ такой трепетъ, что они рѣшительно теряли способность сообразить что-нибудь. Но вотъ является въ классъ наставникъ; дѣти крестятся;

[1]) Поступилъ въ гимназію въ 1845 г. Окончилъ въ ней курсъ въ 1852 году.

крестятъ тетради, спѣшно дѣлаютъ нѣсколько крестовъ на скамьѣ, на полу, чтобы защитить себя, какъ отъ злóго духа. Наставникъ, случайно, видитъ это и приходитъ въ неописанную ярость, и прежде нежели окончена молитва предъ началомъ ученія, онъ уже схватилъ кого-нибудь изъ дѣтей, своей костлявой рукой, за волосы, и пучекъ волосъ летитъ на полъ!

— Ты что же это, скотина, выдумалъ открещиваться отъ меня, какъ отъ чорта! Дерите его, скотину, за уши, приказываетъ онъ сосѣдямъ, да крѣпче, крѣпче!

Несчастный плачетъ, но истязаніе продолжается, пока наставникъ не насытится.

— Поди, Л., обращается онъ послѣ этого къ одному изъ учениковъ, сдѣлай перекличку и отмѣть: кого нѣтъ въ классѣ; да смотри, не ошибись, не запиши въ другой графѣ!

Уже этого послѣдняго замѣчанія достаточно для того, чтобы у мальчика, какъ говорится, въ глазахъ зарябило; онъ дѣлаетъ перекличку и перваго же отсутствующаго товарища отмѣчаетъ не въ той графѣ журнала, гдѣ слѣдуетъ. Гнѣвъ педагога не знаетъ границъ: онъ подзатыльникомъ гонитъ несчастнаго, сконфузившагося мальчика черезъ весь классъ и посылаетъ вмѣсто него другого. Повторяется та же сцена, и это битье продолжается до тѣхъ поръ, пока какому-нибудь счастливцу, менѣе робкому, или менѣе забитому мальчику не удастся довести процедуру переклички до конца.

Послѣ этихъ, такъ сказать, предварительныхъ приготовительныхъ занятій, начинаются собственно классныя:

— К., поди спроси Б. урокъ.

Оба выходятъ къ доскѣ. К. лучшій ученикъ.

— Что у тебя, скотина, штаны совсѣмъ спадаютъ, озадачиваетъ педагогъ несчастнаго К., у котораго панталоны, сшитыя, по всему вѣроятію, не на него, дѣйствительно сидятъ какъ-то неуклюже. Начинается спрашиваніе урока. Достаточно отвѣчающему провести, писавши дробь, черту не горизонтально, а наклонно, и буря разразилась:

— Мажь ему, скотинѣ, рожу губкой!—командуетъ онъ К., и тотъ безпрекословно обязанъ исполнить это. Озадаченный такимъ педагогическимъ пріемомъ, отвѣчающій, разумѣется, окончательно теряется. Слѣдуетъ нещадное битье головой объ доску, вырываніе добраго пучка волосъ изъ головы и постановка на колѣни. Затѣмъ очередь слѣдующаго, рядомъ сидящаго, съ которымъ продѣлывается приблизительно то же самое.

Такъ продолжается до объясненія урока на слѣдующій разъ, или же до конца класса, смотря по расположенію духа.

Но, во всякомъ случаѣ, этимъ дѣло не ограничивается: всѣ поставленные на колѣни записываются на бумажку, которая передается послѣ класса инспектору для расправы съ виновными; а расправа одна: сѣченіе безъ разбора, безъ справки за что.

Неужели это дѣйствительная, а не вымышленная личность, задастъ себѣ вопросъ каждый, прочитавшій эти строки въ настоящее время?

Къ несчастію „да"; это бывшій воспитанникъ Педагогическаго Института, человѣкъ, спеціально подготовленный къ педагогической дѣятельности, учитель математики (сороковыхъ годовъ) 1-ой Харьковской гимназіи, Бернгардтъ!

Но вѣдь ему мѣсто не въ учителяхъ, скажетъ читающій, а въ домѣ умалишенныхъ! Согласенъ. Но посмотримъ чѣмъ и насколько отличается онъ отъ прочихъ своихъ собратій по профессіи.

Системы обученія различнымъ предметамъ гимназическаго курса разнились однѣ отъ другихъ только пріемами: идетъ урокъ нѣмецкаго языка; учитель, разжирѣвшій на русскихъ хлѣбахъ нѣмецъ, занимается исправленіемъ переводовъ, сдѣланныхъ учениками на дому; переводчикъ—ученикъ стоитъ предъ нимъ; вдругъ, раздается полновѣсная громкая пощечина! Это значитъ въ переводѣ встрѣтилась ошибка, и учитель поправляетъ ее!

Каждая новая ошибка влечетъ за собой тѣ же послѣдствія. Почему такъ нельзя перевести, и какъ именно нужно, это остается для ученика тайной; фамилія описываемаго педагога—Габерландтъ.

Учитель географіи употреблялъ опять своеобразный пріемъ: являясь въ классъ, онъ бралъ въ руки кусочекъ бумажки, начиналъ его крутить и складывать на всевозможные лады и вполнѣ предавался этому занятію, со страстію, съ увлеченіемъ. Въ это время ученики должны были выходить, по порядку, къ картѣ и отвѣчать урокъ. Что ученикъ отвѣчалъ, учителю до этого не было никакой надобности, лишь бы не останавливался, не молчалъ, потому что за малѣйшую остановку, вслѣдствіе чего бы она ни произошла, но если только вообще ранѣе того, пока учитель скажетъ „довольно", мальчикъ тотчасъ подвергался карѣ: учитель подходилъ къ отвѣчающему и начиналъ немилосердно щелкать то по правому, то по лѣвому уху. Если ученикъ при этомъ заявлялъ, что онъ знаетъ урокъ, но забылъ

только одинъ терминъ, или же какое-нибудь собственное имя, тогда педагогъ весь обращался во вниманіе: раскрывалъ учебникъ и заставлялъ отвѣчающаго „говорить урокъ съ начала“ слово въ слово по книгѣ; каждое незначительное отступленіе отъ текста влекло новые усиленные побои и единицу въ поведеніи, за которую неминуемо слѣдовало сѣченіе въ субботу, когда инспекторъ собиралъ изъ всѣхъ классовъ, такъ называемыхъ, „единичниковъ“ и приступалъ, при помощи служителей и розогъ, къ исправленію успѣховъ и поведенія учащихся. Учитель рисованія (Савицкій) обучалъ искусству, теребя за виски и таща вверхъ, что производило нестерпимую боль.

Учитель чистописанія (Семигановскій, по прозванію „мальчишка“) для исправленія почерка билъ линейкой по ладони.

Учитель французскаго языка (Монтенакъ) билъ просто кулаками, по чемъ попало, не избирая для этого, подобно своимъ товарищамъ, какого-нибудь спеціальнаго пункта.

А сколько приходилось перетерпѣть битья отъ каждаго новаго учителя до тѣхъ поръ, пока ученики усвоятъ его различные педагогическіе пріемы: одинъ требуетъ „пожалуйста, руки на столъ“! И ученикъ, наконецъ, послѣ множества перенесенныхъ наказаній, дѣйствительно убѣждается въ необходимости и пользѣ держанія рукъ на столѣ, въ продолженіе цѣлаго урока. Перемѣняется учитель и требуетъ непремѣнно держанія рукъ подъ столомъ; начинается преслѣдованіе системы предшественника, наказаніе держащихся ея по старой привычкѣ.

Обращеніе съ учениками, подобное описанному, не могло, по крайней мѣрѣ время отъ времени, не вызывать съ ихъ стороны сопротивленія, вслѣдствіе систематическаго раздраженія и преслѣдованія. Дѣло доходило до вооруженнаго сопротивленія. Классъ чистописанія; учитель, сидя на креслѣ предъ столикомъ, видитъ, что одинъ изъ учениковъ, вмѣсто того, чтобы упражняться въ чистописаніи, что-то разсказываетъ своему сосѣду. Учитель подзываетъ къ себѣ, на средину класса и говорящаго и слушающаго, чтобы произвести судъ и расправу. Инструментъ, необходимый для этого, т.-е. линейка, всегда былъ возлѣ него наготовѣ.

— Держи ладонь!—командуетъ онъ нарушителю тишины и порядка въ классѣ.

— У меня руки болятъ!—отвѣчаетъ тотъ, испытавши уже не разъ, на опытѣ, систему обученія чистописанію.

— Держи, говорятъ тебѣ!—настаиваетъ блюститель порядка. Вновь ослушаніе! Тогда педагогъ желаетъ силой заставить

провинившагося исполнить требованіе и схватываетъ виноватаго за руку. Тотъ выдергиваетъ. Слѣдуетъ вторичное нападеніе и такой же отпоръ. Завязывается рукопашный бой, во время котораго ученикъ, окончательно забывшись, схватываетъ стулъ и начинаетъ имъ отмахиваться.

Нападающій уступаетъ, но бѣжитъ къ инспектору; тотъ является въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей; виновнаго арестуютъ, нещадно сѣкутъ и запираютъ въ карцеръ.

Но подобныя столкновенія не всегда оканчивались такимъ образомъ. Иногда, за взятаго въ плѣнъ товарища, вступался цѣлый классъ, завязывалась настоящая битва, имѣвшая, какъ при побѣдѣ, такъ и при пораженіи, непремѣннымъ слѣдствіемъ исключеніе изъ гимназіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Памятенъ мнѣ изъ этой эпохи одинъ случай: ожидали пріѣзда Государя въ Харьковъ. Какъ только прошелъ объ этомъ слухъ, начались въ гимназіи приготовленія къ пріему: стригли, сѣкли, заставляли дѣлать новые мундиры, выдергивали лишніе зубы; послѣдній пріемъ былъ примѣненъ по нижеслѣдующему поводу. Когда все было уже готово, бдительное начальство, осматривая учениковъ, обратило вниманіе на то, что у одного мальчика, сверхъ всякаго ожиданія, оказались двойные клыки; начальство возмутилось такимъ отступленіемъ отъ формы и, въ порывѣ справедливаго негодованія, рѣшило тутъ же высѣчь виновнаго; но, сообразивши, что сѣченіемъ все-таки не исправишь въ концѣ замѣченнаго недостатка, распорядилось немедленно позвать цирульника и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, вырвать злополучные зубы, мѣшавшіе порядку и однообразію наружнаго вида учащихся. Ни слезы, ни мольбы мальчика не въ состояніи были измѣнить рѣшенія начальства, заботливаго о благѣ ввѣренныхъ ему питомцевъ.

Видя такое рвеніе предержащихъ властей, какой скептикъ могъ бы подумать, что всѣ эти приготовленія, какъ говорится, пойдутъ прахомъ, что всѣ труды и заботы пропадутъ даромъ. Но, увы, въ дѣйствительности такъ и вышло! Въ день ожидаемаго пріѣзда, мы были собраны въ гимназію въ 8 часовъ утра, осмотрѣны еще разъ, выравнены и выстроены. Проходитъ часъ, другой, третій: Государь не пріѣзжаетъ въ гимназію! Въ 4 часа (или нѣсколько ранѣе). Онъ идетъ мимо гимназіи, осматриваетъ на площади гарнизонный баталіонъ, возвращается и... проѣзжаетъ мимо гимназіи. Видя это и принимая во вниманіе голодъ и усталость учениковъ, начальство рѣшило, что Государь не будетъ въ гимназіи, и распустило учениковъ по домамъ.

На грѣхъ мастера нѣтъ, говоритъ пословица; такъ и тутъ; не прошло и пяти минутъ послѣ роспуска дѣтей, какъ Государь прибылъ въ гимназію и не нашелъ тамъ ни учениковъ, ни начальства! Моментъ былъ, говорятъ, ужасный. Директора и инспектора отправили на гауптвахту.

Потомъ по городу разсказывали такой случай: соскучившись заточеніемъ, гимназическій врачъ (добрѣйшій и безвреднѣйшій старичекъ, И. Н. Рейпольскій) вышелъ погулять на платформу гауптвахты (какъ всегда въ форменномъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія). Кто-то изъ проходящихъ, желая подтрунить надъ старикомъ, обратился къ нему съ такими словами:

— А что, нашъ левъ, попалъ въ клѣтку?

— Да-а-а, отвѣчалъ ему, всегда находчивый, Рейпольскій, львы иногда попадаютъ въ клѣтку, а вотъ ослы, такъ тѣ всегда ходятъ на свободѣ!

Кромѣ битья на разныя манеры, съ цѣлью возможно болѣе прочнаго насажденія знаній, интересную особенность гимназическаго строя разсматриваемой эпохи составляли: и цензора и аудиторы. „По причинѣ“ благонравія и прилежанія, я обыкновенно несъ ту и другую обязанности, за то, опять таки, въ концѣ концовъ, былъ битъ, но уже не наставниками, а товарищами. Сказанныя особенности (т.-е. цензорство и аудиторство) заключались въ нижеслѣдующемъ: число учениковъ въ классахъ (особенно въ низшихъ) въ то время было необыкновенно велико: отъ 80 до 90; причина этого та, что о параллельныхъ классахъ въ губернскихъ гимназіяхъ въ описываемую эпоху не имѣли и понятія, а запрещенія оставаться въ одномъ классѣ болѣе извѣстнаго числа лѣтъ также не существовало; поэтому нѣкоторые сидѣли въ классѣ года по три, по четыре и, достигши лѣтъ 17, 18-ти и давно уже брея бороду, выходили изъ гимназіи не далѣе, какъ изъ второго класса.

Естественно, что при такой численности учениковъ, учителю не легко было справляться съ ними; поэтому и находили необходимымъ назначать, такъ сказать, ассистентовъ во образѣ „старшихъ“ или „цензоровъ и аудиторовъ“. Назначеніе „цензоромъ“ дѣлалось инспекторомъ и падало всегда на такъ называемыхъ добронравныхъ и прилежныхъ учениковъ.

Назначеніе это ставило избранное лицо между двухъ огней: съ одной стороны начальство взыскивало за каждый недосмотръ, съ другой—товарищи не прощали, если на кого-нибудь изъ

нихъ приходилось указывать какъ на нарушителя тишины и порядка. Положеніе, по истинѣ, безвыходное, какъ это, напр., можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: кончился урокъ, учитель вышелъ изъ класса и до прихода слѣдующаго—антрактъ въ 5 минутъ; какъ только наставникъ переступилъ порогъ, въ классѣ начинается нѣчто невообразимое: всѣ 90 человѣкъ кричатъ, стараясь заглушить одинъ другого, нѣкоторые, пользуясь свободной минутой, борются, засидѣвшись долго на мѣстѣ, иные сводятъ какіе-нибудь старые счеты и дерутся по-настоящему.

Старшій, обязанный блюсти порядокъ, старается водворить тишину; но, разумѣется, всѣ его попытки напрасны, и вотъ онъ записываетъ, на клочкѣ бумаги фамиліи особенно буйныхъ. Если начальство не заблагоразсудить зайти въ это время въ классъ, все оканчивается благополучно: приходъ учителя усмиряетъ шумящихъ, начинается урокъ, во время котораго, особенно если учитель строгъ, старшему наступаетъ полнѣйшій отдыхъ.

Но если во время такой шумной перемѣны уроковъ, является инспекторъ, онъ требуетъ записку „кто шумѣлъ“, уводитъ виновныхъ и сѣчетъ; а тѣ, по возвращеніи, на слѣдующей же перемѣнѣ, отмщаютъ кулаками старшему за понесенное наказаніе.

Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, какъ можетъ подумать недостаточно знакомый съ дѣломъ, никого не записывать на злосчастную бумажку; но на дѣлѣ выходило не такъ: въ подобныхъ случаяхъ, старшій, какъ не исполнившій своей обязанности, самъ подлежалъ тому наказанію, какому подвергали записанныхъ имъ буяновъ.

Вспоминая прошлое, всѣ эти безчисленные случаи быть высѣченнымъ ни за что, ни про что, я до сихъ поръ не могу достаточно надивиться—какимъ образомъ я избѣгъ этого страшнаго и позорнаго для меня наказанія! Это, по-моему, такой же рѣдкій и счастливый случай, какъ тотъ, когда участвовавшій въ нѣсколькихъ жаркихъ сраженіяхъ остался все-таки ни разу не раненъ!

Обязанности старшаго продолжались и во время урока въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель находилъ это нужнымъ, т.-е. если расточаемыхъ имъ потасовокъ все-таки было недостаточно для умиротворенія буйной толпы; тогда старшій опять вооружался злосчастной бумажкой и записывалъ фамиліи разговаривающихъ.

Не легче была и аудиторская обязанность.

Аудиторы назначались самими учителями изъ лучшихъ учениковъ и обязанность ихъ состояла въ выслушиваніи уроковъ до прихода учителя и подачи этому послѣднему списка объ успѣхахъ ввѣренныхъ ему питомцевъ (а таковыхъ давалось 4—5). Здѣсь опять, стало быть, ученикъ невольно становится между двухъ лагерей—между учителемъ и товарищами.

Особенно много горя причиняли аудиторамъ „столпы класса"—17-ти, 18-ти-лѣтніе юноши, изъ которыхъ, какъ сказано выше, многіе брили бороды, и которые, всѣ поголовно, ничего не дѣлали. Зачѣмъ они оставались въ гимназіи, я и до сихъ поръ не могу понять, но уже во всякомъ случаѣ не съ той цѣлью, что-бы чему-нибудь выучиться! Сидя по нѣскольку лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, они, какъ будто, срослись съ нимъ, съ гордостью смотрѣли на проходившую, ежегодно, мимо ихъ мелюзгу (какъ они называли временныхъ своихъ товарищей) и упорно отказывались учить что-нибудь. Когда учитель вызывалъ такого „старичка" съ тѣмъ, чтобы спросить у него урокъ, то, въ такихъ случаяхъ, „старичекъ", не вставая съ мѣста, а такъ только, нѣсколько пошевелившись на немъ и, показывая видъ, что хочетъ встать, произноситъ густымъ басомъ: „не готовился"! получалъ нуль и успокаивался до слѣдующаго спрашиванія. Наказанія на нихъ не дѣйствовали ни мало, и каждый изъ нихъ давно уже потерялъ счетъ полученныхъ имъ въ гимназіи розогъ.

Послѣ каждой новой экзекуціи, они являлись въ классъ какъ ни въ чемъ не бывало, садились на обычное мѣсто и продолжали свое безконечное сидѣніе, какъ бы въ ожиданіи наитія свыше. Легко себѣ представить всю неестественность отношеній мальчика-аудитора къ такимъ многоопытнымъ мужамъ, порученнымъ его надзору!

Подобныя личности въ настоящее время перешли въ разрядъ миѳическихъ, поэтому я позволяю себѣ остановиться на нихъ еще нѣкоторое время. Представьте себѣ, напр., нижеслѣдующую сцену: осень; идетъ послѣобѣденный урокъ (отъ $3^1/_2$ до 5 час.) французскаго языка; классъ слабо освѣщенъ нѣсколькими сальными свѣчами; учитель, зная твердо „что сказала Калипсо Телемаку при отъѣздѣ его" [1]) и одолѣваемый послѣ-

[1]) Въ то время, книгой для перевода съ французскаго языка на русскій было „Странствованіе Телемака".

обѣденной дремотой, безъ вниманія слушаетъ переводъ. Старички, соскучившись сидѣть на мѣстахъ и будучи мужами многоопытными, заранѣе приготовили себѣ шинели, разостлали ихъ позади скамеекъ, перешли подъ скамьями въ этотъ заранѣе приготовленный уголъ, разлеглись на шинеляхъ и играютъ въ карты.

Изъ всего непригляднаго сонма педагоговъ описываемаго времени, въ воспоминаніи рѣзко выступаетъ личность, не похожая на прочихъ; это наставникъ Закона Божія, протоіерей Лебедевъ. Онъ пользовался нашею любовію за его человѣческое отношеніе къ намъ. И. И. въ продолженіе всей своей службы въ гимназіи, въ полномъ смыслѣ слова, не тронулъ никого пальцемъ; мало того: мы не слыхали отъ него ни разу, не только ругательнаго, но даже грубаго слова. Я живо, до сихъ поръ, помню его благообразную (апостольскую) физіономію, съ кроткимъ выраженіемъ и всегда опущенными глазами. Но глаза эти, намъ казалось, видѣли насъ насквозь. Въ этомъ всевидѣніи насъ убѣждало между прочимъ то, что от. Л—въ, никогда несмотря на сидящихъ противъ него учениковъ, всегда видѣлъ, если кто-нибудь изъ нихъ начиналъ шалить. При этомъ виновный наказывался постановкой въ уголъ на нѣсколько минутъ (эта мѣра наказанія въ то время никѣмъ другимъ не практиковалась, потому, вѣроятно, что считалась слабой, а поэтому мало дѣйствительной); происходило это обыкновенно такъ: замѣтивши шалуна, от. Л—въ обращался ко всему классу, или, вѣрнѣе, не обращаясь ни къ кому собственно и, какъ всегда, смотря внизъ, спрашивалъ:

— Есть у насъ въ классѣ такой-то?

Слѣдуетъ отвѣтъ:

— Есть!

— Пусть онъ станетъ въ уголъ!

Виновный уже зналъ за что и отправлялся по назначенію. Черезъ нѣсколько минутъ за этимъ слѣдовало:

— Пусть такой-то оставитъ уголъ и займетъ свое мѣсто!

Виновный садился и не было случая, что-бы наставнику приходилось въ тотъ же самый урокъ прибѣгать вновь къ той же мѣрѣ наказанія. Нерѣдко, впрочемъ, мы и пользовались добротой о. Л-ва.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ то время объясненіе урока учителемъ было неизвѣстнымъ, вѣрнѣе, не практиковавшимся пріемомъ; дѣло велось просто: учитель бралъ учебникъ, ученики раскрывали свои книги, на соотвѣтствующей страницѣ,

и начиналось „отмѣчаніе урока“, т.-е. указаніе учителемъ, какія слова и строки можно пропускать, какія необходимо выучить.

Отмѣченное и составляло урокъ на слѣдующій разъ. „Отмѣчанія эти изъ года въ годъ были одни и тѣ же, по прошлогодней книжкѣ. Вотъ тутъ-то и начинались безконечныя разглагольствованія, благодаря снисходительности наставника, а время между тѣмъ шло.

— Отмѣтьте: „и сказалъ І. Хр....“

— Батюшка, въ прошломъ году это „и“ пропускали! заявляетъ кто-нибудь изъ оставшихся въ классѣ на другой годъ, желая затянуть дѣло.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть!—серіозно заявляетъ наставникъ.

— Ей Богу, батюшка, пропускали! чуть не умоляющимъ голосомъ заявляетъ второгодникъ.

— Нѣтъ, завѣряетъ вновь наставникъ.

— Вы вслушайтесь: „и сказалъ І. Х....“ „Нѣтъ, безъ и нельзя“!

— Нѣтъ „и“ выпустить не возможно! серіозно заявляетъ о. Л-въ и отмѣчаніе идетъ далѣе, до какого-нибудь слѣдующаго „и“.

При воспоминаніи объ о. Л-вѣ, мнѣ всегда приходитъ на память случай, не имѣющій собственно никакой прямой связи съ нимъ. Это смерть одного изъ товарищей по классу. Я такъ живо помню всю обстановку, всѣ малѣйшія обстоятельства этого событія, что кажется, это было на-дняхъ. Рѣзкость впечатлѣнія зависитъ, можетъ быть, оттого, что это былъ первый случай смерти, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться, болѣе или менѣе сознательно лицомъ къ лицу.

Былъ май мѣсяцъ. Погода стояла восхитительная, какая только бываетъ въ это время на югѣ. Въ классѣ невыносимо душно; воздухъ наполненъ дымомъ какой то смолы, которую курили при каждой перемѣнѣ урока, какъ говорили тогда, „для очищенія воздуха“ или, вѣрнѣе, для того, чтобы сдѣлать его окончательно негоднымъ для дыханія. Идетъ урокъ французскаго языка. Кто-то изъ учениковъ, чуть не по складамъ, старается передать по-русски, съ французскаго текста, всю грусть, какую Калипсо испытывала по отъѣздѣ отъ нея Улисса; на сидящихъ въ классѣ также нападаетъ тоска, хотя совершенно по другой причинѣ: въ окно видно нѣсколько кустовъ акаціи, растущихъ за боромъ; воробьи унизали деревцо и подняли

ужасный шумъ, какъ бы стараясь перекричать одинъ другого заявленіемъ: „живъ, живъ, живъ!“

На окно прилетѣла откуда то бабочка и бьется о стекло своими разноцвѣтными крылышками. Какъ бы хотѣлось подойти осторожно къ кусту и ближе посмотрѣть, что такъ ажитируетъ воробьевъ и нельзя ли, пользуясь ихъ возбужденнымъ состояніемъ, поймать, хотя одного, изъ увлекающихся! Какъ хотѣлось бы схватить эту бьющуюся о стекло бабочку! И при томъ, это такъ легко... но это только желанія и вдобавокъ, совершенно неисполнимыя! Учитель и такъ уже ругательски ругаетъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, недостаточно внимательныхъ учениковъ, придавая имъ эпитеты, въ родѣ: „ассіоль“ и тому подобное. Но вотъ входитъ въ классъ „надзиратель“ (гувернеръ) и объявляетъ, что урокъ конченъ. Учитель уходитъ; мы недоумѣваемъ. Слѣдуетъ распоряженіе: „взять книги и фуражки и идти!“.

— Куда, Андрей Ивановичъ, куда? спрашиваемъ мы чуть не всѣ въ одинъ голосъ; но надзиратель, какъ подобаетъ начальству, продолжаетъ хранить молчаніе и приказываетъ слѣдовать за собой. Мы охотно исполняемъ это такъ какъ покидаемъ ненавистный классъ съ его ненавистнымъ казеннымъ запахомъ и идемъ, построившись предварительно рядами, по два, на улицу. По дорогѣ мы узнаемъ, что умеръ одинъ изъ нашихъ товарищей, и насъ ведутъ проводить его на кладбище. Мы приходимъ къ какому то небольшому домику, не далеко отъ окраины города; начальство наше входитъ въ этотъ домикъ, а мы остаемся на улицѣ, разсматривая, отъ нечего дѣлать, незнакомую мѣстность. По временамъ изъ домика долетаетъ до насъ протяжное церковное пѣніе; но вотъ отворились двери, и первое, что мы увидѣли—это знакомое намъ лицо о. Л-ва, въ черной ризѣ; потомъ, нѣсколько большихъ церковныхъ подсвѣчниковъ, за ними гробъ и въ немъ знакомое намъ лицо нашего товарища, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ въ гимназіи нѣсколько дней тому назадъ. Онъ лежалъ въ гробу въ своемъ мундирчикѣ съ краснымъ воротникомъ, но выраженіе лица, его желто-восковой цвѣтъ, были уже не тѣ, что прежде. Это былъ уже не тотъ рѣзвый мальчикъ, котораго мы знали; это было какое то строгое, серьезное, равнодушное подобіе его. Мы, невольно, сразу, пріутихли всѣ и сняли фуражки; процессія медленно двинулась, и мы, молча, подъ вліяніемъ какого-то новаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго чувства, пошли въ слѣдъ за ней. Постепенно и незамѣтно для насъ мы вышли,

наконецъ, за городскую черту, въ поле. Обстановка измѣнилась: пустынная улица смѣнилась полемъ; строгаго—серьезнаго лица покойника не видно, и впечатлѣніе, такъ нечаянно охватившее насъ, исчезло! Мы забыли, почему мы здѣсь, забыли, куда идемъ; мы чувствовали только, что вырвались на волю, что мы вдыхаемъ полной грудью чистый, живительный воздухъ! А кругомъ, на землѣ и въ воздухѣ кишитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ; за склономъ горы вьется синей лентой рѣчка, убѣгая куда-то далеко, далеко! Да какъ же тутъ не изгладиться впечатлѣнію, какъ бы оно тяжело ни было!

Понемногу, незамѣтно отстали мы отъ процессіи, разбрелись въ разныя стороны и въ этотъ день позднѣе обыкновеннаго явились домой.

Огромное вліяніе на гимназическій строй разсматриваемаго времени имѣли попечители округовъ. Личный взглядъ начальствующаго лица, его отношеніе къ дѣлу давали то, или другое направленіе дѣйствіямъ лицъ, подчиненныхъ имъ. Поэтому, въ продолженіе семилѣтняго пребыванія моего въ гимназіи мнѣ пришлось испытать, такъ сказать, три режима, соотвѣтственно тремъ попечителямъ, бывшимъ въ этотъ промежутокъ времени Головкинскій, Долгоруковскій и Кокошкинскій.

Поступивши въ гимназію, я засталъ конецъ управленія округомъ попечителя Головкина. Онъ былъ въ это время уже дряхлый, больной, разслабленный старикъ, не выходившій изъ дома. Поэтому мы никогда не видѣли его, но, тѣмъ не менѣе, до насъ доходили нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ; мы знали, напр., что онъ очень добрый старикъ, что онъ любитъ дѣтей; что студентовъ называетъ не иначе, какъ „мои студенты“. При этомъ мы не могли понять только одного: какимъ образомъ онъ, любя дѣтей, позволяетъ тиранить ихъ такъ немилосердно, какъ тиранили насъ?

А дѣло объяснялось, собственно говоря, очень просто: числясь попечителемъ, Головкинъ, по старости и дряхлости, предоставилъ дѣло собственному, такъ сказать, теченію и далъ этимъ возможность каждому педагогу дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, какъ Богъ на душу положитъ. Произволу способствовало далѣе то, что директоръ и инспекторъ, слѣдуя вѣянію свыше, также не утруждали себя заботами о ввѣренныхъ ихъ попеченію питомцахъ, предоставляя дѣлу идти такъ, какъ оно идетъ.

Доказательствомъ ревностнаго отношенія начальства гимназіи къ дѣлу можетъ служить, напр., то, что я увидѣлъ ди-

ректора въ первый разъ, только перешедши во 2 классъ и то благодаря перемѣнѣ режима: умеръ Головкинъ, и на мѣсто его былъ назначенъ князь Долгоруковъ (бывшій въ то время харьковскимъ генералъ-губернаторомъ). Съ перемѣной попечителя, гимназическіе порядки быстро и радикально измѣнились. Я не знаю, послѣдовали ли какія-нибудь распоряженія отъ новаго попечителя [1]), но мы легко и скоро замѣтили, что наше непосредственное начальство не можетъ равнодушно произносить имени новаго попечителя и страшно боится его, а скоро узнали и разгадку этого. Педагогическій совѣтъ гимназіи, заботясь о чистотѣ зданія, распорядился, чтобы учениковъ не допускать въ классы до звонка (т.-е. до 9 часовъ утра). Поэтому большая часть мальчиковъ, явившись въ гимназію, напр., за ½ часа до начала уроковъ, должна была оставаться прямо на улицѣ, часто подъ дождемъ и снѣгомъ. Однажды мы стоимъ такимъ образомъ у крыльца гимназіи, въ ожиданіи впуска, и видимъ ѣдетъ кн. Долгоруковъ. Поровнявшись съ нами, онъ остановился и спросилъ:

— „Почему вы нейдете въ классъ?“

Мы отвѣчали, что „насъ не пускаютъ“!

— Позвать мнѣ инспектора!—скомандовалъ генералъ, сидя въ коляскѣ.

Явился инспекторъ.

— Ты почему не пускаешь дѣтей въ классъ?—грозно спросилъ генералъ.

— Педагогическій совѣтъ постановилъ такимъ образомъ, смиренно отвѣчалъ инспекторъ.

— Да я тебя вмѣстѣ съ совѣтомъ выброшу въ окошко!

— Пустить!

Мы были впущены, но главное мы были свидѣтелями описанной сцены, показавшей намъ мощь попечителя, его энергическое заступничество за насъ и ничтожество въ его глазахъ инспектора и всего педагогическаго совѣта.

Мы убѣдились, что этотъ попечитель дѣйствительно любитъ дѣтей. Разсказамъ и комментаріямъ о событіи дня не было конца, и мы пришли къ заключенію, что если князь обратилъ серіозное вниманіе на такое, повидимому, незначительное обстоятельство, какъ держаніе дѣтей подъ дождемъ, то навѣрное онъ не позволитъ истязать насъ безъ всякаго повода, и рѣши-

[1]) Ходили слухи, что князь прислалъ бумагу, строго запрещающую бить учениковъ.

лись, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть подъ его сильную защиту, а пока пользоваться его именемъ. Дѣйствительность превзошла ожиданія: имя князя оказалось магическимъ! Разсвирѣпѣвшій безъ всякаго повода учитель укрощался при заявленіи ученика о томъ, что онъ пойдетъ съ жалобой къ князю. Самые строптивые наставники при этомъ имени моментально измѣнялись. Вотъ образчикъ: учитель только-что собрался поднять ученика за виски на воздухъ.

Ученикъ, видя грозящую опасность, смѣло заявляетъ:

— Вы не смѣете драться: я скажу князю!

Учитель опускаетъ руки и, топая ногами, кричитъ:

— Пошелъ, скотина, на мѣсто! Смѣешь ты грозить мнѣ!

Ученикъ благополучно садится на мѣсто. Истязаніе оставлено.

Для того, чтобы обрисовать отношеніе попечителя къ непосредственному нашему начальству, я передамъ слѣдующую сцену: пріѣзжаетъ въ гимназію Долгоруковъ; его встрѣчаетъ дежурный старшій надзиратель (онъ же учитель географіи), С. И. Кованько. Попечитель, посмотрѣвши на него какъ-то особенно презрительно-гадливо, обращается съ вопросомъ, указывая при этомъ пальцемъ на физіономію Кованько.

— Что это такое?

Тотъ, смекнувши, что онъ давно не бритъ и, желая оправдать такое упущеніе по службѣ, отвѣчаетъ:

— У меня рожа, Ваше Сіятельство!

— Да я это вижу!—рѣзко отвѣчаетъ генералъ; но почему она не брита?

При этомъ необходимо прибавить, что несчастный Кованько былъ, какъ говорится, обиженъ природой и красотой не отличался.

Другой случай не менѣе типиченъ: князь осматриваетъ помѣщеніе гимназіи; его сопровождаетъ кто то (кажется, инспекторъ). Въ одной изъ комнатъ была сложена старая мебель, такъ какъ другого помѣщенія, по причинѣ тѣсноты, не нашлось Князь, видя, что двери заперты, спрашиваетъ сопровождавшаго его:

— Что это значитъ?

Непосредственное наше начальство, окончательно растерявшись и желая сказать: „помѣщеніе гимназіи очень тѣсно, *мѣста мало*, отвѣтилъ на вопросъ князя:

— Мѣло маста!

— Что? грозно переспрашиваетъ князь.

— Маста мѣло! поправляется начальство.

— Да ты совсѣмъ дуракъ, или только съ придурью? недоумѣваетъ Долгоруковъ.

Такимъ образомъ, благодаря заступничеству за насъ попечителя, въ его управленіе округомъ, мы вздохнули свободнѣе, но, къ несчастію, не на долго: нашъ защитникъ-попечитель скоро умеръ, и дѣло пошло по-прежнему. Какъ только разнеслась вѣсть о смерти князя, съ начальства нашего какъ будто спалъ гнетъ.

— Ну теперь васъ вздернутъ! заявлялъ съ какимъ-то злорадствомъ каждый изъ наставниковъ, являясь въ классъ.

— Теперь не пойдешь жаловаться князю!

И эти зловѣщія предсказанія сбылись.

Сообщ. **О. Н. Леваковская.**